

РИСКИ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ, БОГАТЫХ ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ

Александр КНОБЕЛЬ

кандидат экономических наук,
заведующий лабораторией
международной торговли
научного направления «Реальный сектор»
ИЭП им. Е. Т. Гайдара

Оικονομία • Πολιτικά

OIKONOMIA • POLITIKA

Т е о р и я

Введение

В России с 2004 года существенно изменился тренд добычи нефти — наблюдается падение темпов роста с 9—10% в год до 1—2% в год, и в дальнейшем добыча, по всей видимости, будет стагнировать. С учетом того, что цена на нефть сейчас достаточно высокая и вряд ли стоит рассчитывать на ее существенное повышение, ожидать роста доходов от экспорта нефти и газа также не приходится. За последние 10—12 лет наблюдался рост доли сырьевого экспорта в общем объеме экспорта и при этом снижалась диверсификация экспорта (рис. 1).

Согласно данным Федерального казначейства¹, в 2012 году налоги на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья и экспортные пошлины на сырую нефть, природный газ и нефтепродукты составили 6,435 трлн руб., что соответствует примерно 50,2% доходов федерального бюджета, или 10,3% ВВП. В таких условиях снижение мировых цен на нефть в 2 раза может повлечь за собой прямые потери государственных доходов порядка 5 п.п. ВВП, что может быть очень опасно в условиях, когда даже при текущих высоких мировых ценах федеральный бюд-

¹ См.: <http://www.roskazna.ru/federalnogo-byudzheta-rf/yi/>.

Источник: расчеты по данным World Integrated Trade Solution (<http://comtrade.un.org/db>).

Рис. 1. Динамика доли нефтегазового экспорта России в общем объеме экспорта и диверсификации экспорта

жет сводится практически без профицита. Таким образом, в условиях нестабильной внешнеэкономической конъюнктуры для России как для страны, богатой природными ресурсами, остро стоит вопрос о рисках, возникающих в сфере проводимой бюджетной политики, и о возможных путях их минимизации и диверсификации. Для ответа на вопрос о том, какие меры диверсификации рисков наиболее приемлемы в экономиках, характеризующихся сильной зависимостью от природных ресурсов, следует прежде всего определить, с какими проблемами могут сталкиваться такие экономики.

1. Ресурсное проклятие

Для богатых ресурсами стран характерен набор феноменов, наиболее существенным из которых является то, что в долгосрочной перспективе такие страны растут медленнее, чем страны без ресурсов. Именно это, а не большая доля сырья в ВВП или в экспорте и не низкая диверсификация экономики и экспорта описывается термином «ресурсное проклятие» [Auty, 1993]. В исследованиях [Sachs, Warner, 1995, 1997] отмечается, что для стран, обладающих большими запасами природных ресурсов, характерны более низкие темпы экономического роста, чем для стран, не обладающих таковыми богатствами. Аналогичные результаты в дальнейшем были получены в известном эмпирическом исследовании [Sala-i-Martin, 1997] по детерминантам экономического роста, а также в работах [Gylfason, 2007; Mehlum, Moene, Torvik, 2006].

Замечено также, что не только страны с разной обеспеченностью природными ресурсами могут различаться по темпам экономического роста, но и регионы одной страны могут двигаться по разным траекториям в зависимости от наличия или отсутствия в этих регионах

природных богатств. Согласно результатам, полученным в работах [Parygakis, Gerlagh, 2007; Cooke, Aadland, Coupal, 2007], можно заключить, что богатые ресурсами штаты США растут медленнее, чем штаты без ресурсов.

В табл. 1 представлены значения среднегодовых темпов экономического роста для некоторых стран, богатых природными ресурсами.

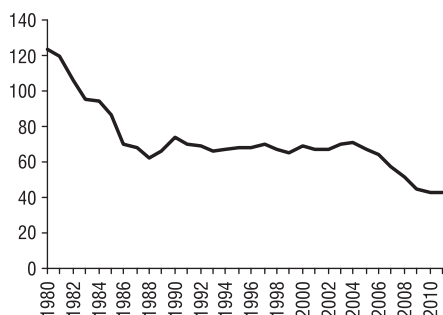
Т а б л и ц а 1

**Среднегодовые темпы долгосрочного экономического роста
для некоторых богатых ресурсами стран**

	Среднегодовой темп экономического роста (%)	Рассматриваемый период
ОАЭ	–3,5	1980–2010 (30 лет)
Саудовская Аравия	–1,7	1980–2010 (30 лет)
Венесуэла	–0,1	1970–2010 (40 лет)
Иран	0,3	1970–2010 (40 лет)
Ливия	0,6	1985–2010 (25 лет)
Катар	0,7	1980–2010 (30 лет)
Алжир	1,0	1970–2010 (40 лет)
Ирак	1,2	1970–2010 (40 лет)
Мексика	1,4	1970–2010 (40 лет)
Кувейт	1,5	1985–2010 (25 лет)
Эквадор	1,9	1970–2010 (40 лет)
Норвегия	2,6	1970–2010 (40 лет)

Источник: World Bank, World Development Indicators (<http://databank.worldbank.org/data>).

Некоторые сведения, представленные в табл. 1, наглядно показывают, как богатые ресурсами страны могут демонстрировать отрицательные темпы роста подушевого ВВП в долгосрочной перспективе. Рассмотрим, например, падение реального ВВП на душу населения в ОАЭ за последние 30 лет примерно в 3 раза (со 120 тыс. долл. до примерно 40 тыс. долл. в ценах 2005 года; рис. 2). В действительности, абсолютное значение реального ВВП в этой стране выросло за эти годы в 2,8–3 раза, что примерно соответствует росту добычи нефти, однако сопровождалось это почти восьмикратным ростом численности населения (с 1 млн до 8 млн) и рабочей силы, что говорит о крайне неэффективном использовании имеющихся трудовых ресурсов (рис. 3). Прибывающие в ОАЭ трудовые мигранты либо устраивались работать в нефтедобывающий сектор на условиях, значительно худших, чем коренное население, что позволяло сохранять высокую рентабельность даже при снижении производительности труда, либо поглощались отраслями, относящимися к сектору неторгуемых товаров, в котором производительность не может расти высокими темпами, достижимыми в торгуемом несырьевом секторе, развитие которого происходило не так успешно.

Источник: World Bank, World Development Indicators (<http://databank.worldbank.org/data>).

Рис. 2. Динамика подушевого реального ВВП в ОАЭ (по ППС в ценах 2005 года, тыс. долл.)

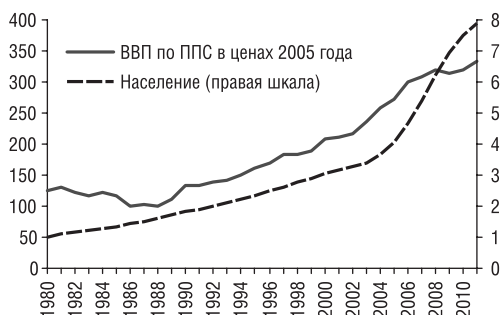

Рис. 3. Динамика реального ВВП (млрд долл.) и численности населения в ОАЭ (млн человек)

Таким образом, возникает гипотеза, согласно которой природные ресурсы могут «мешать» экономическому развитию. Следовательно, если ресурс мешает развитию, необходимо понимать, как, сохраняя положительные эффекты от наличия ресурса, заставить экономику расти темпами, которыми она могла бы расти, и каким образом следует проводить бюджетную политику в странах, богатых природными ресурсами.

2. Два аспекта ресурсной проблемы

Вопрос о том, почему ресурсная обеспеченность может нести негативные последствия, нетривиален, поскольку в первом приближении наличие или появление ресурса для любой экономической системы расширяет возможности этой системы при рациональном его использовании. В этой связи в литературе выделяется два основных аспекта: макроэкономический и институциональный.

Макроэкономический аспект заключается в том, что наличие ресурса и высокие цены на него способствуют появлению «голландской болезни»: при росте цен на сырье у богатых ресурсами стран происходит отток трудовых ресурсов в эти добывающие отрасли, а также происходит отток трудовых ресурсов из сектора торгуемых товаров в сектор услуг [Bruno, Sachs, 1982]. При росте мировой цены на ресурс приток доходов от экспорта приводит к укреплению номинального или реального курса рубля, что вызывает угнетение торгуемого сектора, за исключением его сырьевого подразделения. Рост доходов, в свою очередь, вызывает рост цен в неторгуемом секторе, что приводит к перетоку ресурсов из торгуемого несырьевого сектора, в котором наблюдается падение выпуска. Эта проблема достаточно хорошо изучена в международной макроэкономике, и основным рецептом тут является сдерживание укрепления реального курса национальной валюты в краткосрочной перспективе (в долгосрочной это, по-видимому, невозможно) и сдер-

живание перемещения факторов производства². В России за последние 10—15 лет с этой проблемой более-менее справлялись. Существенно, что в России не наблюдалось главного признака «голландской болезни» — стагнации обрабатывающей промышленности: по темпам роста она не уступала сектору услуг [Ahrend, de Rosa, Tompson, 2007, Гуриев, Сонин, 2008; Зубарев, Трунин, 2012].

Институциональный аспект заключается в том, что, во-первых, наличие ресурса может портить институты, которые функционируют в данной экономической системе [Ross, 2001, 2008; Treisman, 2009], а во-вторых, повышение цен на ресурсы опаснее всего тогда, когда институты развиты не очень хорошо³ [Gylfason, 1999, 2001; Mehlum, Moene, Torvik, 2006].

Вообще, макроэкономическая политика эндогенна и зависит в том числе и от национальных условий, в которых она осуществляется. Если рассматривать экономико-политическую систему как систему, в которой политики максимизируют свою ренту, то в стране, где нет ресурса, который можно раздать или использовать, политикам приходится прикладывать максимальные усилия для того, чтобы удовлетворить требованиям различных групп влияния. Если же есть ресурс, который можно раздать, он дестимулирует их к активной работе и создает ложные стимулы для управления. В то же время наличие развитых институтов может наилучшим образом «переварить» появление дополнительных ресурсов.

Таким образом, чем выше ресурсная рента, тем меньше у власти стимулов развивать институты [May и др., 2007]. В стране, где появилась ресурсная рента, у политиков могут возникнуть стимулы к демонтажу тех институтов, которые заставляют их усердно или честно работать, потому что теперь эти политики могут обеспечивать свое присутствие во власти не усердной работой, а раздачей ренты. Впоследствии, чтобы еще дольше оставаться у власти, им выгодно, чтобы многие общественные институты были демонтированы. В частности, в некоторых странах при повышении цен на ресурсы происходил демонтаж таких институтов, как свобода прессы, выборы (Мексика, Венесуэла). В работах [Ross, 2001; Brollo et al, 2010] показано, что в странах, богатых нефтью, повышение цен на этот ресурс может даже способствовать полному демонтажу демократии. Следует отметить, что, по данным некоторых исследований, здесь на самом деле имеет место так называемое условное проклятие: если в стране

² Следует отметить, что мы не можем отвергнуть гипотезу об отсутствии причинно-следственной связи между доходами от экспорта нефти и спадом промышленного производства. Согласно [Hutchison, 1994] стагнацию в Норвегии, Голландии и Великобритании в 1970—1980 годах можно было объяснить и другими причинами.

³ Одним из возможных механизмов отрицательного влияния ресурса на экономическое развитие может быть возникновение конфликта из-за доступа к этим богатствам [Olsson, 2006]. В результате группы влияния тратят свои ресурсы не на повышение производительности, а на борьбу за ренту. Как пример вырожденных случаев — гражданские войны в Нигерии и в Судане, сопровождавшиеся разрушением обрабатывающей промышленности.

хорошо развиты экономические и политические институты, то ресурсное богатство влияет на рост положительно, или, в крайнем случае, не оказывает на него никакого влияния, в незрелых же демократиях наблюдается отрицательный эффект; более того, в этих странах нефтяное изобилие приводит к задержкам в проведении реформ и к дальнейшему разрушению институтов [Полтерович, Попов, Тонис, 2007]. Пример того, как появление нового источника доходов отложило назревшие и необходимые преобразования — «косыгинские реформы», начатые в середине 1960-х годов вскоре после прихода к власти нового руководства страны и ставшие ответом на снижение уровня жизни населения. Однако в конце 1960-х годов в Западной Сибири открыли новые крупные месторождения нефти и газа, и в экономику хлынули нефтедоллары. Фактически с этого момента реформы были приостановлены, а затем и просто похоронены [Гайдар, 2007].

Заключение

Что касается практических выводов, то, анализируя опыт разных стран, можно сказать, что в долгосрочной перспективе минимизировать отрицательное влияние ресурса можно только закреплением на институциональном уровне запрета на использование этого ресурса в неограниченных объемах. Этого можно достигнуть как эффективным функционированием суверенных фондов, аккумулирующих сверхдоходы от экспорта⁴, так и максимальной бюджетной дисциплиной, закрепленной на законодательном уровне⁵.

Наиболее удачным и известным примером успешного развития страны, богатой природными ресурсами, является Норвегия — самая быстрорастущая ресурсная экономика в мире, и это при том, что ей как развитой стране сложнее всего поддерживать высокие темпы экономического роста. В Норвегии Пенсионный фонд будущих поколений уже составляет более 100% ВВП и законодательно запрещено использование любой части этих средств, за исключением доходов от размещения этого фонда, то есть примерно 4% ВВП, не зависящих от мировой конъюнктуры.

Оптимизма в рассматриваемом вопросе может добавлять то обстоятельство, что именно Норвегия очень близка к России с точки зрения роли нефтегазового сектора в экономике. Так, и в России и в Норвегии доля нефтегазового экспорта в общем объеме экспорта составляет порядка 70%. И в России и в Норвегии доля топливно-сырьевой ренты в ВВП — около 15%. Если коэффициент диверсификации российского экспорта составляет 1,95 по состоянию на 2012 год, то норвежского — 2,00. Весьма существенное различие — относитель-

⁴ См. работу по исследованию перспектив суверенных фондов в России [Золотарева и др., 2001].

⁵ См. также: [Дробышевский, Синельников-Мурылев, Соколов, 2011; Кнобель, Соколов, 2012].

ные размеры суверенных фондов: если в Норвегии это 105–107% ВВП, то в России — около 8,5%. Вообще, можно констатировать, что в России накоплены весьма небольшие размеры фондов для такого уровня ресурсной зависимости, если сравнивать этот показатель с другими странами (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Размеры суверенных фондов в некоторых богатых природными ресурсами странах

Страна	Название фонда	Размер фонда (% ВВП)	Примечание
Объединенные Арабские Эмираты	Инвестиционный фонд Абу-Даби	174	По состоянию на 2012 год
Кувейт	Бюджетный резервный фонд и Резервный фонд будущих поколений	170	По состоянию на 2012 год
Норвегия	Государственный пенсионный фонд — Глобальный	106	По состоянию на 2012 год
Саудовская Аравия	Суверенный фонд иностранных активов	75	По состоянию на 2012 год
Азербайджан	Государственный нефтяной фонд Азербайджана	58	По состоянию на 2012 год
Катар	Инвестиционный фонд Катара	50	По состоянию на 2012 год
Казахстан	Национальный нефтяной фонд Республики Казахстан	33	По состоянию на 2012 год
Чили	Медный стабилизационный фонд	9,3	По состоянию на 2012 год
Россия	Резервный фонд и Фонд национального благосостояния	8,3	По состоянию на 2012 год
Венесуэла	Фонд макроэкономической стабилизации	3,2	По состоянию на 2003 год (правительство Уго Чавеса вскоре истратило эти деньги, и сейчас фонд фактически не функционирует)

Источник: Sovereign Wealth Funds Institute (<http://www.swfinstitute.org/fund-rankings/>).

Таким образом, в богатых природными ресурсами странах, к которым относится и Россия, роль суверенных фондов заключается не только в формировании государственных сбережений, в сдерживании укрепления реального курса национальной валюты и в сглаживании последствий «голландской болезни». В современных условиях суверенные фонды, наряду с исполняемым бюджетным правилом (непревышение предельными расходами федерального бюджета объема доходов при базовой цене более чем на один процент валового внутреннего продукта; сопоставление общего объема планируемых расходов и общего объема расходов без учета условно утвержденных расходов), выполняют важную институциональную роль: снижение ресурсной ренты заставляет политиков работать эффективнее и не откладывать реформы, «покупая» у населения наличие плохих институтов. В свою очередь, политическое руководство в условиях хорошо

развитых институтов может создавать правильные стимулы для бюрократов. Однако для российского уровня зависимости от ресурсов размеры этих фондов явно недостаточны.

Александр КНОБЕЛЬ, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией международной торговли научного направления «Реальный сектор» ИЭП им. Е. Т. Гайдара (125993, Москва, Газетный пер., д. 5). E-mail: knobel@ier.ru.

Риски бюджетной политики в странах, богатых природными ресурсами

Аннотация

В статье исследуются риски бюджетной политики в богатых природными ресурсами странах, к которым относится и Россия. Показано, какие последствия для российского федерального бюджета может иметь снижение нефтяных цен. В контексте рассмотрения феноменов, характерных для ресурсно зависимых экономик, продемонстрировано наличие более низких темпов долгосрочного экономического роста. Обсуждаются макроэкономический и институциональный аспекты ресурсного проклятия, роль суверенных фондов при формировании бюджетной политики, отдельно продемонстрировано их институциональное значение.

Ключевые слова: ресурсное проклятие, бюджетная политика, институты, экономический рост, суверенные фонды.

Литература

1. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи: Уроки для современной России. М.: Росспэн, 2006.
2. *Гуриев С., Сонин К.* Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4.
3. *Дробышевский С., Синельников-Мурылев С., Соколов И.* Эволюция бюджетной политики России в 2000-е годы: в поисках финансовой устойчивости национальной бюджетной системы // Вопросы экономики. 2011. № 1.
4. *Золотарева А., Дробышевский С., Синельников С., Кадочников П.* Перспективы создания стабилизационного фонда в РФ // Научные труды ИЭПП. 2001. № 27.
5. *Кнобель А., Соколов И.* Оценка бюджетной политики РФ на среднесрочную перспективу // Экономическое развитие России. 2012. Т. 19. № 12. С. 23–32.
6. *Мау В., Яновский К., Жаворонков С., Маслов Д.* Институциональные предпосылки современного экономического роста. М.: ИЭПП. 2007.
7. *Полтерович В., Попов В., Тонис А.* Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 6. Р. 4–27.
8. *Трунин П., Зубарев А.* Анализ влияния реального обменного курса рубля на экономическую активность в России / ИЭП. 2012.
9. *Ahrend R., De Rosa D., Tompson W.* Russian Manufacturing and the Threat of “Dutch Disease” — A Comparison of Competitiveness Developments in Russian and Ukrainian Industry // OECD Economics Department Working Papers, 2007. № 540.
10. *Auty R.* Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. London; New York: Routledge, 1993.
11. *Brollo F., Nannicini T., Perotti R., Tabellini G.* The Political Resource Curse // NBER Working Paper. 2010. No 15705.
12. *Bruno M., Sachs J.* Energy and Resource Allocation: A Dynamic Model of the “Dutch Disease” // The Review of Economic Studies. 1982. Vol. 49. No 5. P. 845–859.
13. *Cooke C., Aadland D., Coupal R.* Does the Natural Resource Curse Apply to the United States? Mimeo / University of Wyoming. 2007.
14. *Gylfason T.* Natural Resources, Education, and Economic Development // European Economic Review. 2001. Vol. 45. No 4. P. 847–859.

15. *Gylfason T., Herbertsson T. T., Zoega G.* A Mixed Blessing // *Macroeconomic Dynamics*. 1999. Vol. 3. No 2. P. 204–225.
16. *Gylfason T.* The International Economics of Natural Resources and Growth // *Minerals and Energy*. 2007. Vol. 22. No 1–2. P. 7–17.
17. *Hutchison M. M.* Manufacturing Sector Resiliency to Energy Booms: Empirical Evidence from Norway, the Netherlands, and the United Kingdom // *Oxford Economic Papers*. 1994. Vol. 46. No 2. P. 311–329.
18. *Mehlum H., Moene K., Torvik R.* Institutions and the Resource Curse // *The Economic Journal*. 2006. Vol. 116. No 508. P. 1–20.
19. *Olsson O.* Diamonds are a Rebel's Best Friend // *The World Economy*. 2006. Vol. 29. No 8. P. 1133–1150.
20. *Papyrakis E., Gerlagh R.* Resource Abundance and Economic Growth in the United States // *European Economic Review*. 2007. Vol. 51. No 4. P. 1011–1039.
21. *Ross M. L.* Does oil Hinder Democracy? // *World Politics*, 2001. Vol. 53. No 3. P. 325–361.
22. *Ross M. L.* Mineral Wealth, Conflict, and Equitable Development // *Institutional Pathways to Equity: Assessing Inequality Traps* / A. J. Bebbington et al. (eds.). Washington, DC: The World Bank. 2008.
23. *Sachs J. D., Warner A. M.* Fundamental Sources of Long-run Growth // *American Economic Review*. 1997. Vol. 87. No 2. P. 184–188.
24. *Sachs J. D., Warner A. M.* Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper. 1995. No 5398.
25. *Sala-I-Martin X. X.* I Just Ran Two Million Regressions // *American Economic Review*. Vol. 87. No 2. P. 178–183.
26. *Treisman D.* Is Russia Cursed by Oil? // *Journal of International Affairs*. 2010. Vol. 63. No 2. P. 85–102.

Alexander KNOBEL, PhD, Head of the Laboratory of International Trade, Scientific direction «Real Sector», Gaidar Institute (5, Gazetny per., Moscow, 125993, Russian Federation). E-mail: knobel@iep.ru.

The Risks of Fiscal Policy in Countries Rich in Natural Resources

Abstract

The article examines the risks of fiscal policy in rich in natural resources countries, which include Russia. It is shown that the consequences for the Russian federal budget may be decline in oil prices. In the context of the phenomena characteristic of resource-dependent economies, the author demonstrates the presence of lower rates of long-term economic growth. The macroeconomic and institutional aspects of the resource curse, the role of sovereign wealth funds in the formation of fiscal policy are discussed, especially their institutional value.

Key words: resource curse, budget policy, institutions, economic growth, sovereign funds.

References

1. Gaidar E. T. *Gibel' imperii: Uroki dlia sovremennoi Rossii* [Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia]. Moscow: Rosspen Publ., 2006.
2. Guriev S., Sonin K. *Ekonomika "resursnogo proklatiia"* [The economy of the "resource curse"]. *Voprosy ekonomiki*, 2008, no. 4.
3. Drobyshevskii S., Sinelnikov-Murylev S., Sokolov I. *Evolutsiia biudzhethnoi politiki Rossii v 2000-e gody: v poiskakh finansovoi ustoichivosti natsional'noi biudzhethnoi sistemy* [The evolution of fiscal policy in Russia in the 2000s: in search of financial stability of the national budget system]. *Voprosy ekonomiki*, 2011, no. 1.

4. Zolotareva A., Drobyshevskii S., Sinel'nikov S., Kadochnikov P. Perspektivy sozdaniia stabilizatsionnogo fonda v RF [Prospects for the creation of a stabilization fund in Russia]. *Nauchnye trudy IEPP*, 2001, no. 27.
5. Knobel' A., Sokolov I. Otsenka biudzhethnoi politiki RF na srednesrochnuiu perspektivu [Assessment of the budget policy of the Russian Federation in the medium term]. *Ekonomicheskoe razvitiie Rossii*, 2012, vol. 19, no. 12. pp. 23-32.
6. Mau V., Ianovskii K., Zhavoronkov S., Maslov D. *Institutsional'nye predposylki sovremenogo ekonomicheskogo rosta* [Institutional preconditions of modern economic growth]. Moscow: IEPP Publ., 2007.
7. Polterovich V., Popov V., Tonis A. Mekhanizmy "resursnogo proklatiia" i ekonomicheskaiia po-litika [Mechanisms of the "resource curse" and the economic policy]. *Voprosy ekonomiki*, 2007, no. 6, pp. 4-27.
8. Trunin P., Zubarev A. *Analiz vliianiia real'nogo obmennogo kursa rublia na ekonomicheskuiu aktivnost' v Rossii* [Analysis of the impact of the real exchange rate on economic activity in Russia]. Moscow: IEP Publ., 2012.
9. Ahrend R., De Rosa D., Tompson W. Russian Manufacturing and the Threat of "Dutch Disease" - A Comparison of Competitiveness Developments in Russian and Ukrainian Industry. *OECD Economics Department Working Papers*, 2007, no. 540.
10. Auty R. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. London; New York: Routledge, 1993.
11. Brollo F., Nannicini T., Perotti R., Tabellini G. The Political Resource Curse. *NBER Working Paper*, 2010, no. 15705.
12. Bruno M., Sachs J. Energy and Resource Allocation: A Dynamic Model of the "Dutch Disease". *The Review of Economic Studies*, 1982, vol. 49, no. 5, pp. 845-859.
13. Cooke C., Aadland D., Coupal R. *Does the Natural Resource Curse Apply to the United States?* Mimeo. University of Wyoming, 2007.
14. Gylfason T. Natural Resources, Education, and Economic Development. *European Economic Review*, 2001, vol. 45, no. 4, pp. 847-859.
15. Gylfason T., Herbertsson T. T., Zoega G. A Mixed Blessing. *Macroeconomic Dynamics*, 1999. Vol. 3, no. 2, pp. 204-225.
16. Gylfason T. The International Economics of Natural Resources and Growth. *Minerals and Energy*, 2007, vol. 22, no. 1-2, pp. 7-17.
17. Hutchison M. M. Manufacturing Sector Resiliency to Energy Booms: Empirical Evidence from Norway, the Netherlands, and the United Kingdom. *Oxford Economic Papers*, 1994, vol. 46, no. 2, pp. 311-329.
18. Mehlum H., Moene K., Torvik R. Institutions and the Resource Curse. *The Economic Journal*, 2006, vol. 116, no. 508, pp. 1-20.
19. Olsson O. Diamonds are a Rebel's Best Friend. *The World Economy*, 2006, vol. 29, no. 8, pp. 1133-1150.
20. Papyrakis E., Gerlagh R. Resource Abundance and Economic Growth in the United States. *European Economic Review*, 2007, vol. 51, no. 4, pp. 1011-1039.
21. Ross M. L. Does oil Hinder Democracy? *World Politics*, 2001, vol. 53, no. 3, pp. 325-361.
22. Ross M. L. Mineral Wealth, Conflict, and Equitable Development. In: Bebbington A. J. et al. (eds.). *Institutional Pathways to Equity: Assessing Inequality Traps*. Washington, DC: The World Bank, 2008.
23. Sachs J. D., Warner A. M. Fundamental Sources of Long-run Growth. *American Economic Review*, 1997, vol. 87, no. 2, pp. 184-188.
24. Sachs J. D., Warner A. M. Natural Resource Abundance and Economic Growth. *NBER Working Paper*, 1995, no. 5398.
25. Sala-I-Martin X. X. I Just Ran Two Million Regressions. *American Economic Review*, vol. 87, no. 2, pp. 178-183.
26. Treisman D. Is Russia Cursed by Oil? *Journal of International Affairs*, 2010, vol. 63, no. 2, pp. 85-102.